

ИДЕАЛ ЖЕНЩИНЫ

В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ НИВХОВ

(НА МАТЕРИАЛАХ ФОЛЬКЛОРА)

Елена Викторовна ФАДЕЕВА, младший научный сотрудник отдела этнологии Института истории ДВО РАН. Сфера научных интересов — семья и семейные отношения коренных народов Дальнего Востока. Автор ряда статей по избранной тематике.

Во все времена люди стремились к совершенству. Однако у разных народов мира идеалы не были одинаковыми, а понятия красоты оставались произвольными. По мере развития человеческой культуры вырабатывались и законы красоты как моральной, так и физической. Во всех культурах этические нормы для женщин всегда были отличными от мужских вследствие особенного положения женщин в обществе. Так, у дальневосточных народов в силу разных причин было распространено многоженство, с конца XIX в. муж стал покупать жену за калым, тем самым ставя ее по отношению к себе в зависимое положение. Географическая среда, особенности национальной истории, время накладывали свой отпечаток на изменение идеала женщины.

В период национального возрождения народа, как правило, все чаще обращаются к традиционным духовным ценностям с надеждой на обретение через них идеала в различных сферах современного бытия. Одна из важных проблем на сегодняшний день — преодолеть стандартную, разрушающую масскультуру с потребительским взглядом на женщину и воссоздать канонический идеал (Логашова Б.Р., 1994, с.402).

В любом обществе существовали полоролевые стереотипы, то есть устойчивые представления о том, что положено (дозволено) женщине и мужчине в обществе. Они являлись барьерами в сознании и поведении людей, причиной неравенства социальных позиций мужчин и женщин (Бондаренко Л.Ю., 1996, с.164).

Издавна существовало представление о том, что основная роль женщины — быть матерью, женой, вести домашнее хозяйство, а главное в жизни мужчины — это работа. Мужчина выполнял роль добытчика, то есть инструментальную, а женщина как хранительница домашнего очага — экспрессивную. Поэтому настоящему мужчине необходимо иметь престижную работу и зарабатывать на жизнь. Главный же статус для женщины — быть женой своего мужа, матерью детей, хозяйкой. Именно такое разделение ролей между мужчиной и женщиной с точки зрения общественного сознания способствует стабильности в традиционном обществе.

Исходя из подобного распределения функций между полами, в символике многих народов «женское» начало соответствовало «пассивному» принципу природы, а также бессознательному, эмоциональному, импульсивному, ответственному за отклонение историко-культурного движения от свойственной

«мужскому» началу прямолинейности (Керлот Х.Э., 1994, с.195), рациональности, сознательности.

Подобные, по сути универсальные стереотипы мышления наложили свой отпечаток на канонические идеалы как женщины, так и мужчины в общественном сознании народов мира. Задача данного исследования — проанализировать традиционный идеал женщины в общественном сознании нивхов, одного из малочисленных коренных народов Дальнего Востока. Одним из определяющих источников ее решения является устное народное творчество, которое в традиционном обществе интегрировало все этнические знания и традиции, повествовало о нормах поведения в быту и на промысле и имело общей целью привитие навыков поведения, обеспечивающих выживание народу.

Материалы по данной проблеме содержатся в работах Л.И. Шренка, Л.Я. Штернберга, Е.А. Крейновича, Ч.М. Таксами, Г.А. Отаиной и других авторов.

Женщина, являясь хранительницей семейного очага, передавала религиозные и национальные традиции, и, естественно, с рождения девочки обращалось большое внимание на ее воспитание. Девочку нужно было воспитывать в соответствии с предписаниями родового общества. С раннего возраста она должна была понимать, что мужчине принадлежит главенствующее положение в семье и обществе, а когда она выйдет замуж, то к ней и ее семье будут предъявляться определенные требования. Поэтому девочку приучали прежде всего к послушанию, труду, милосердию к ближним, кротости нрава и смирению. С раннего детства она привыкала не перечить старшим, особенно отцу и братьям, относиться к ним с уважением и почтительностью; знакомилась с обычаями гостеприимства и взаимопомощи, а также с религиозными предписаниями общины; после 5 лет уже училась у матери и других женщин кроить, шить, вышивать, готовить национальные блюда и заготавливать запасы впрок.

Через «тылгуры» (предания и мифы) и сказки дети получали информацию о правилах национального этикета, религиозных табу и бытовых запретах своего народа. Особенно это касалось женщин. Так, нивхский фольклор содержит сюжеты о наказании женщины за непочтительное отношение к медвежьей кости, которую она не положила, а бросила, после чего сильно заболела. В другом сюжете женщина расплачивается жизнью за то, что, отправившись собирать ягоды и корнеплоды, походя давила лягушек, которые ее впоследствии и съели (Отаина Г.А., 1992, с.111). Нетрудно догадаться, какие именно черты характера прививались детям подобными сказками.

Религиозные представления народа также давал немалую пищу для размышлений. Например, возьмем представление о женщине-ветре *ла* (Крейнович Е.А., 1929, с.80), которая, если сидела дома и шила, то стояла тихая и ясная погода, а если выходила из дому и начинала бегать, то от ее развевающейся одежды поднимался ветер и хмурилось небо (Таксами Ч.М., 1976, с.210), что очень мешало мужчинам на промыслах. Таким образом, детям давали понять, что им лучше сидеть дома, особенно когда отцы уходили в тайгу или на рыбалку, а не болтаться у взрослых под ногами; девочкам же втолковывалось, что они должны заниматься вышивкой или шитьем, а не отличаться излишней суетливостью, причиняя беспокойство мужчинам.

Помимо всего прочего, посредством фольклора одни качества человеческой натуры высмеивались, а другие — возвышались. Так, в родовой общине были неприемлемы такие черты характера, как лживость и болтливость. Подобные пороки всегда наказывались, а персонажи, обладавшие ими, считались носителями зла. Характерны в этом отношении распространенные в прошлом сказки о женщинах «Ралькр Умгу», которые обманом отбирали детей у мате-

ри, чтобы вызвать ненависть к жене со стороны мужа. Эти персонажи противопоставлялись верным женам, которым были чужды такие понятия, как обман и зависть. В конце концов добро побеждало зло: муж находил свою семью, а «Ралькр Умгу» — свою смерть (Отаина Г.А., 1997, с. 133).

Примером сплетницы служила живущая на Луне женщина — «Ралькр Умгу», которая сама рассказывала всем жителям Земли, что какой-то из их сородичей вступил с ней в близкие отношения, ставя его, таким образом, в неловкое положение (Таксами Ч.М., 1976, с.209). В обыденной жизни также не приветствовалась излишняя словоохотливость, а об интимных отношениях друг друга старались вообще не распространяться.

Показывали девочкам и пагубность такого качества, как чрезмерное любопытство, которое могло повредить не только им самим, но и окружающим. В качестве доказательства приводились предания рода Руивн о том, как из-за любопытства сестры, увидевшей своих братьев с медведем, все и она сама окаменели (Крайнович Е.А., 1973, с.47—48), поскольку нивхинкам запрещалось близко подходить медведю.

Вместе с тем, постоянно находясь в окружении женщин, девочки воспринимали не только хозяйственные навыки, но и эталоны женской красоты. Уже с раннего возраста девочка приучалась говорить с тихой мелодичностью и придавать лицу мечтательно-кокетливое выражение (Штернберг Л.Я., 1933, с.255), а также напускать на себя вид суровой неприступности и крайней стыдливости при появлении в доме чужого человека.

Таким образом, задача воспитательниц девочки (обычно это были мать и другие старшие родственницы семьи) сводилась прежде всего к тому, чтобы заложить в ней качества и передать практические навыки, необходимые для дальнейшей семейной жизни.

По мере взросления требования по отношению к девочке возрастали. Она по-прежнему должна была отличаться кротостью («...как скажете, отец, матушка, так я и сделаю...», — обычная фраза во время процедуры сватанья) и хозяйственностью, ведь чем больше у нее талантов, тем больший калым можно было взять за нее, а значит, тем лучше к ней будут относиться в новой семье. Несмотря на пережитки группового брака, от девушек, согласно родовой морали, требовалось определенное целомудрие. Они были более стеснены в половом общении, чем замужние. Особенно строго дело обстояло в случаях общения с лицами из запретных категорий: тут и осуждение общества, и упреки родных, и кары богов, и угрызения совести, и неизбежное изгнание из рода. О случайном увлечении и речи быть не могло, а глубокое чувство рассматривалось как результат вселения злого духа, и люди предпочитали убить себя.

Перспектива рождения внебрачного ребенка также не улыбалась нивхинкам: ребенок от неизвестного отца представлялся делом очень опасным, так как его брачные, родовые и религиозные права были совершенно *не определены* (не было ясно, к какому роду он должен принадлежать, а значит, такой ребенок не мог принимать участия ни в родовых праздниках, ни в религиозных обрядах) и могли привести к нарушениям табу (например, существовала опасность, что ребенок родится в результате нарушения экзогамных норм, что считалось величайшим грехом). Поэтому беременная девушка подвергалась тяжким нареканиям со стороны отца, требовавшего либо назвать имя соблазнителя, либо *вытравления плода*. Если же ребенок все-таки рождался, то мать должна была отнести его в лес, где он неминуемо погибал. Девушка, сохранившая ребенка, уже не могла рассчитывать на удачное замужество, ибо порядочный человек никогда не взял бы ее в жены.

Но как ни тяжела была участь отдельных женщин в таких случаях, на практике дело обстояло гораздо проще. Во-первых, многие с раннего детства состояли в замужестве, а другие никогда не задерживались в девичестве из-за постоянного недостатка женщин. Те же, которые не состояли в браке и свободно предавались половому общению, редко имели дело с одним партнером и благодаря такой полиандрической практике почти не подвергались риску беременности. Поэтому-то добрачная *половая свобода практически никогда не осуждалась, если она, конечно*, не отвлекала от работ на дому. Девушкам только приходилось больше остерегаться (особенно когда речь шла о лицах из запрещенных категорий), и потому они при появлении незнакомого человека опускали глаза, сидели все время, нахмутив брови, на вопросы посторонних едва отвечали. Однако эта наружная неприступность скрывала *внутреннюю чувственность женщины*. Стоило ей заговорить, как во вкрадчивой интонации и плутоватом смеющемся взгляде узнавалась настоящая дочь Евы (Штернберг Л.Я., 1933, с.24). И эта чувственность нивхинок, которой они обладали в большей степени и от природы, и благодаря ранним «тренировкам», являлась одной из притягательнейших для мужчин черт.

Немало женщина брала и песенным талантом, с помощью которого умела и тонко выражать свою любовь, и зло высмеивать неугодных поклонников. В своем сарказме женщина не останавливалась ни перед какими гиперболами. В одной песне нос нежеланного сравнивался с полыньями, с открытой дверью, в таких же тонах описывалась его одежда, собака и т.д. Неудивительно, что в мужчине женщину привлекали не только мужество, солидность («твой голос подобен голосу «urdlá n'ivux'a», т.е. «почтенного человека»), но и таланты собеседника — балагура, певца (Штернберг Л.Я., 1933, с.255). Помимо моральных качеств, в любви и личных симпатиях большое место занимала эстетическая сторона — красота, особенно красота лица («rou urland» — «лицом хороший»). Причем красота расценивалась *у них не только с расовой точки зрения*, поскольку и мужчинам, и женщинам нравились русские. Из мужчин-европейцев нивхинкам нравились даже непривычные для них рыжие и блондины. Это, возможно, объяснялось как необычностью антропологического типа славянских мужчин, так и надеждой женщин на то, что «чужие» мужчины будут мягче и терпимее к ним, нежели «свои».

В любовных песнях воспевались и «кожа белая, как кора березы», и пышные волосы (коса до поясницы или приглаженные волосы), и грациозность походки («голову набок склонив, улыбаясь ходит»); у мужчин — физическая сила, высокий рост — «ноги в землю по голени входят» (Штернберг Л.Я., 1933, с.255). Изящество в одежде также играло не последнюю роль в оценке возлюбленных. У женщин воспевались расшитая в уборах одежда, множество медных побрякушек («...была молодая женщина, красавица; волосы у нее длиннейшие, сережек на ней, железа (железных побрякушек) множество было, из длинной трубки табак курила») (Штернберг Л.Я., 1908, с.12, 38); у мужчин — черная собачья шуба, из пестрых тюленей юбка, богатый налобник из мелких беличьих шкурок и т.д. Последние характеристики следует отнести к периоду начала социального расслоения среди нивхов (середина XIX — начало XX в.), когда богатство стало пониматься в прямом смысле, в то время как раньше оно определялось личными достоинствами человека, являясь синонимом силы, храбрости, ума, благородства, ловкости и т.д.

Женщиной же в полном смысле слова у нивхов считалась та, которая хорошо готовила, шила платье и обувь, была трудолюбивой и кроткой. В фольклоре часто можно встретить характеристики «хорошей», высоко ценимой обществом женщины: «...день и ночь все шила; эта женщина весьма-весьма на

все талантлива была; повсюду славилась своими достоинствами...» (Штернберг Л.Я., 1908, с.43, 171, 199).

Образ «плохой» девушки отчасти вырисовывался из описания процедуры сватанья невесты, когда родители, чтобы получить большой калым, очень часто принижали достоинства дочери, говоря, что она урод, ленива, неспособна к хозяйству и т.д. Еще одним из отрицательных качеств девушки считалась половая распущенность. В этом случае говорили, что для «девушки никуда не ходить очень похвально» (Штернберг Л.Я., 1908, с.91), иначе можно было ноги потерять, разучиться ходить, и, как следствие, выйти замуж только за лентяя и неудачника (в фольклоре это обычно образ старшего брата). В силу последнего обстоятельства нивхинки часто принимали серьезный и замкнутый, даже угрюмый вид человека, чувства которого с трудом пробиваются наружу из-за панциря строгого этикета (Пилсудский Бр., 1989, с.33). Еще Л.И. Шренк замечал, что нравственное чувство мужчин выражалось в «общей благопристойности, а женщин — в стыдливости» (Шренк Л.И., 1903, с.7—9). И это было так. Несмотря на легкость вступления в половую связь, нивхинки не были безнравственными; а русские женщины, продающие себя за деньги, глубоко ими осуждались.

Другое дело — любовь. Можно смело сказать, что верность возлюбленному, несмотря на все чинимые препятствия, считалась одним из ярких качеств человека, независимо от его пола. Это нашло свое отражение в любовной лирике народа: «... Вслед за тобой уйду, над твоим могильным домиком повешусь»; «на горящий костер прыгнув, сама себя сожгла...» (Крейнович Е.А., 1973, с.309, 320).

Отметим, что жертвенность присуща женщине практически на протяжении всей ее жизни. Выходя замуж, каждая женщина знала, что с этого времени ей придется от многого отказаться ради мужа и будущих детей. Она должна быть хорошей хозяйкой, у которой в жилище чисто, всегда есть вкусная еда, все одеты в чистую одежду, украшенную вышивкой, а косы аккуратно заплетены. Молодая сноха училась быть безропотной, терпеливой, исполнительницей и проворной; привыкала к новым нормам поведения и правилам общения с родней мужа, присущим замужней женщине. Теперь ей нельзя было безнаказанно флиртовать с другими мужчинами, т.к. это могло привести к тяжелым последствиям и для нее, и для «соблазнителя». От чрезмерной половой фривольности женщин удерживали и хозяйственные заботы, материнство, а также такие чувства, как любовь и стыдливость. Помимо этого доступ к замужним женщинам затруднялся из-за «монополии» на них со стороны их индивидуальных мужей, требующих от жен исполнения супружеских и хозяйственных обязанностей и следования за ними при всякой перемене местожительства.

Отношение к женщине определялось и ее способностью к деторождению, поскольку с древних времен бездетность означала величайшее несчастье не только для семьи, но и для общества в целом в силу очень высокой детской смертности, эпидемий и пр., порой уничтожавших целые роды. (Логашова Б.Р., 1994, с.406). Естественно, что бездетная женщина подвергалась насмешкам и порицанию со стороны семьи и общества (говорили, что она за что-то наказана духами); муж мог взять себе другую жену, и тогда несчастная женщина вообще выполняла роль прислуги в семье. В связи с этим ей приходилось идти на все ради появления долгожданного ребенка и сохранения его жизни. Во время родов женщина не смела кричать и стонать, чтобы не привлечь злого духа к еще не окрепшей душе малыша. А матери, у которых до этого умирали дети, чтобы сохранить жизнь ребенка, откусывали мизинец на

левой руке младенца (где находилась его душа), показывая этим злым духам, что ребенок уже съеден. Конечно, не все женщины были способны на такое мужество и самоотверженность.

Родив ребенка, женщина обретала новый семейный статус, предполагающий наличие некоторых дополнительных качеств. С этого времени она сама становилась наставницей для своих детей, передающей им знания и навыки, полученные ей от семьи и рода. Прежде всего это касалось девочек, поскольку мальчики после 6—7 лет переходили под опеку отца и других мужчин. И именно тем, какая вырастала у женщины дочь, определялось, насколько она реализовалась как мать. Помимо этого женщина-мать становилась одной из центральных фигур родственного коллектива, от которой зависели спокойствие и гармония семейной жизни. Она должна была заботиться о микроклимате дома, что требовало от нее больших организаторских способностей и огромного такта. Это особенно проявлялось в большой неразделенной или полигамной семьях, в которых очень часто происходили склоки и скандалы между женщинами из-за злости, зависти или ревности друг к другу. В фольклоре нередко можно встретить сюжеты, в которых ссоры женщин приводили к гибели целых семей. Вместе с тем старая женщина должна была оставаться ласковой и доброй бабушкой для своих внуков, умеющей не только рассказать сказку или предание, но и выслушать, понять, а также вылечить их с помощью народных средств. В качестве примера приведем рассказ одного нивха о своей матери: «Как она меня, любя и жалея, растила, до сих пор забыть не могу. Когда моя обувь рвалась, она ее чинила, когда одежда моя рвалась, ее зашивала. Когда мои косы спутывались, их расчесывала, когда мне есть не хватало, она обо мне заботилась, думала. Она была большой мастерицей. И работать хорошо, и мастерски шить успевала» (Крейнович Е.А., 1973, с.311).

Кроме этого в обществе нивхов у старших женщин очень ценились способности сильных шаманок, врачевательниц и ворожеек. Часто не слишком смелые личности для объяснений в любви привлекали в качестве посредниц старых женщин, а ворожить могли только старухи. Старые женщины аккумулировали в себе важнейшие качества женского идеала: хозяйственность, мастерство, ум, дальновидность, предусмотрительность, поэтому память о них, как правило, долго жила в сердцах людей.

Таким образом, можно заключить, что, во-первых, несмотря на определенные отличия, идеал женщины, независимо от ее семейного статуса, был однообразен. Согласно общественной морали, женщине необходимо было избавляться от таких дурных качеств, как злопамятство, зависть, гордыня, гнев, похоть, пустые надежды, алчность, упрямство, лживость, скупость, злобность, несправедливость, себялюбие, торопливость, неблагодарность, легкомысленность, ревность, любопытство и болтливость. Подобные качества могли обречь их обладательниц на одиночество или жизнь с менее достойным в глазах общества человеком; на неуважение и даже отчуждение общиной и семьей. Обязательным же считалось воспитать в себе стыдливость, добронравие, кротость, прощение, смирение, щедрость, терпение, благодарность, милосердие, разумность, справедливость, радушие, приветливость.

Во-вторых, можно проследить у нивхов некоторую трансформацию «идеала» как такового. Первоначально в это понятие входили личные качества человека, наиболее приемлемые для родового коллектива. В зависимости от обладания или необладаия ими субъект объявлялся угодным или негодным социуму. Положительные черты характера составляли личное богатство человека, определяли цельность его натуры в глазах семьи и рода. Напротив, отрицательные черты характера обрекали человека на презрение и осужде-

ние со стороны общества. Это в свою очередь подвигало людей на самосовершенствование.

Но постепенно в процессе проникновения в родовую общину товаро-денежных отношений и, как следствие этого, имущественного расслоения нивхского общества в середине XIX — начале XX в., акценты несколько сместились. Теперь при определении «хорошего» человека наряду с личными качествами все большее значение приобретает его богатство как таковое. Богатому соплеменнику прощались многие проступки, за которые раньше его обязательно бы наказали. Вот и в описании «богатой» невесты появляются такие характеристики, как «множество железных, медных побрякушек, несколько лисьих шуб у нее было; из длинной трубки (с длинным чубуком и дорогим мундштуком) курила», что было несомненными признаками богатства их обладательницы (Штернберг Л.Я., 1908, с.51). При этом ей необязательно нужно быть трудолюбивой и хозяйственной (для этого у нее были рабы), но все же быть красивой и послушной следует. Последнее свидетельствует о том, что люди продолжали верить в возможность достижения совершенства через собственные усилия, чему в немалой степени способствовали догматы христианской религии, с которыми нивхи знакомились через контакты со славянским населением.

В целом родовое общество полагало, что, помятуя о том, каков их идеал, женщины помогут укреплению своей семьи и по возможности сделают себя, свою семью и род счастливыми.

Бондаренко Л.Ю., 1996. Роль женщины: от прошлого к настоящему // *Общественные науки и современность*. М. № 6. С.163—170.

Керлот Х.Э., 1994. *Словарь символов*.

Крейнович Е.А., 1973. *Нивхгу: Загадочные обитатели Амура и Сахалина*.

Он же, 1929. Очерк космогонических представлений гиляков о-ва Сахалин // *Этнография*. № 1. С.78—102.

Логашева Б.Р., 1994. Канонический идеал женщины в исламе // *Женщина и свобода: пути выбора в мире традиций и перемен*. М. С.402—411.

Отаина Г.А., 1992. Воспитание экологического сознания у народов Дальнего Востока // *Культура Дальнего Востока XIX — XX вв.* С.103—112.

Она же; 1997. Фольклор в народной педагогике нивхов // *Семья и семейный быт в восточных регионах России*. С.129—138.

Пилсудский Бр., 1989. Из поездки к орокам о. Сахалина в 1904 г.

Таксами Ч.М., 1976. Представления о природе и человеке у нивхов // *Человек и природа в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вт. пол. XIX — нач. XXв.)* Л. С.203—216.

Шренк Л.И., 1903. *Об инородцах Амурского края*. Т.3.

Штернберг Л.Я., 1933. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны.

Он же. 1908. *Материалы по изучению гиляцкого языка и фольклора*. Т.1, ч.1.

SUMMARY. Elena Fadeeva chose the problem of family and family relations of the indigenous peoples of the Far East of Russia as the sphere of her scientific interests. The task of this investigation is analysis of traditional ideal of Woman in social consciousness of the Nivkhs, one of the minorities of the Far East of Russia.

The author considers that despite of certain differences, the ideal of Woman being independent of her family status, included such qualities as kind disposition, gentleness, forgiveness, resignation, wisdom, modesty and so on, that is such features that determined personal qualities of a person which were most suitable for tribe collective.

As a whole, the Nivkhs considered that having the ideal in mind women would help to make family stronger and so be more happy themselves, and family and tribe in their turn would help them in it.